

Н О В Ы Й М И Р

К Н И Г А
С Е Д Ь М А Я

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ:

БОР. ПАСТЕРНАК
МИХ. ПРИШВИН
АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ
СЕРГЕЙ МАРКОВ

СТИХИ:

НИК. АСЕЕВ
ЕВГ. ЗАБЕЛИН
ОСИП КОЛЫЧЕВ
ДМ. СЕМЕНОВСКИЙ

ЛЮДИ И ФАКТЫ:

ВАСИЛИЙ РЯХОВСКИЙ
М. КАЗАС
С. ОБРУЧЕВ

ЗА РУБЕЖОМ:

ЭГОН ЭРВИН КИШ
С. ГАЛЬПЕРИН

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:

А. ДЕРМАН
ВЯЧ. ПОЛОНСКИЙ
А. БЕК и Л. ТООМ
Д. ГОРБОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ:

Н. ЗАМОШКИН, НИК. БОГО-
СЛОВСКИЙ, МИХ. РУДЕРМАН,
АРК. ГЛАГОЛЕВ, БОРИС
ГРОССМАН, ВИКТОР ГОЛЬ-
ЦЕВ, И. ПОСТУПАЛЬСКИЙ,
Я. ФРИД, И. СЕРГИЕВСКИЙ,
М. КЛЕВЕНСКИЙ.

М О С К В А
4 . 9 . 2 . 9

2. КАШГАРСКИЕ ОЧЕРКИ

М. Казас

Предисловие

Кашгарские очерки представляют собой ряд набросков из жизни Китайского Восточного Туркестана или, как его иначе называют, Кашгарии.

Край этот интересен тем, что здесь мусульманский Восток сохранил в полной чистоте свою седую старину, чего нельзя сказать о других пограничных с нами восточных странах, — о Турции, где буржуазная революция сбросила многие характерные для Востока черты, секуляризировала в большинстве земли духовенства, где мужчины заменили свои одежды и фески европейским платьем и шляпами, а женщины сорвали с лица покрывала.

В кольце соседних с СССР мусульманских стран Восточный Туркестан является страной, сохранившей в неприкосновенности старые нравы и обычаи.

Край этот, граничащий с Индией, Памиром, СССР и Тибетом, интересен как место столкновения индийской, китайской и мусульманской культур. Здесь наши границы, после Памира, более чем где бы то ни было сближаются с английскими владениями, пограничную линию которых англичане, особенно в последнее время, весьма сильно укрепляют.

Китайцы, заинтересованные в охране своей юго-западной границы от различных кочевых народов, неоднократно овладевали этим краем, но частые восстания внутри страны заставляли их отступать.

Однако, Восточный Туркестан самостоятельным, как отдельное государство, никогда долго не бывал.

Население его, разбросанное по оазисам, не было связано единством происхождения и общностью интересов. В каждом оазисе велось натуральное хозяйство, а потому интересы своего маленького оазиса для жителей были ближе, дороже и понятнее, чем интересы всей узбекской народности, разбросанной по разным местам, отделенным друг от друга значительными пространствами песков и пустынь. Перед-

ко вспыхивали отголоски прежней племенной и религиозной вражды, что давало возможность легко овладевать этой страной.

Наибольшего расцвета Восточный Туркестан достиг, как самостоятельное государство, в 70-х—80-х годах, при Якуб-беке, выходец из Ферганы, который, овладев этим краем, сумел поднять его благосостояние. Сумел объединить на национальной почве отдельные части страны, заручился поддержкой Англии и Турции, но китайцы, воспользовавшись внутренними трениями, начавшимися среди мулл и ходжей, смогли снова и уже навсегда завладеть этим краем, входящим в настоящее время в состав Синь-Цзянской провинции.

Хотя народ, вследствие жестокого ярко колонизаторского режима, замучен и аполитичен и ведет растительное существование, но все же китайцы всегда опасаются новых революционных вспышек, особенно со стороны Советского Союза, с которым хотя и поддерживают связь, но это делается лишь по необходимости, в силу больших экономических связей между Кашгарией и Советским Союзом.

Дорога.—Кашгар.—Жизнь колонии

Все существующие (открытые) дороги из Киргизии к Восточному Туркестану—в большей своей части верховые горные тропы, которые местами цепляются за каждый выступ, дающий возможность поставить лошади ногу. Нужно пройти через перевалы, из которых самый большой Терек-Даван,—12½ тыс. футов.

В зимнее время тропинки заносятся снегом, и лошади не могут пройти,—тогда приходится пользоваться яками, типа тибетских. Они пробивают дорогу среди снегов, а затем уже могут идти и лошади.

Яки лето и зиму живут в горах, где имеется много пастбищ. Если яка заставить летом спуститься с гор в нижние долины, то он зачастую гибнет от жары.

Иногда в горах бывают обвалы, весьма опасные для едущих. Большие камни, сброшенные при беге дикими козами и архарами, падая с гор, увлекают за собой целую грудку камней, сметающих все на своем пути.

Мне красноармейцы рассказывали один случай с басмаческой бандой. Дело было зимой. Были получены сведения, что через одно горное ущелье должны пройти басмачи. Отдали распоряжение закрыть все выходы из него. Спустя некоторое время безрезультатного ожидания, решили, что басмачи прошли какими-то, им одним известными, путями. Однако, весной, когда снег начал таять, совершенно случайно раз'езд нашел в этом ущелье на дне горного потока много трупов, по которым удалось установить, что басмачи здесь действительно были, но их смел в пропасть большой обвал.

Пейзаж суров и красив. Растительность—субальпийской флоры—особенно в весенние месяцы дает очень пестрый ковер цветов, где можно встретить даже эдельвейс с его медвяным запахом. Особенно красива своей яркой зеленью тянь-шаньская ель, растущая словно из камней. Приятно вдыхать ее щекочущий ноздри пряный смолистый запах.

Дорога идет все вверх, медленно поднимаясь и постоянно меняя пейзаж. Вы проезжаете то по зеленой, шумящей ручьями, долине, то поднимаетесь по безводной и скалистой местности, то выбираетесь на зеленое нагорье, где снова появляется вода и пасутся стада яков.

Под'ем становится более крутым, и лошади прямо ползут по склонам гор, где протекает арык по искусно вырытому на круче ложу. Внизу виднеются пенящиеся горные потоки.

Иногда вы под'езжаете к киргизским яйлыкам (кочевка), где располагается несколько десятков юрт. Кругом пасутся стада. Еще издали слышатся голоса перекликающихся пастухов. Здесь вы можете отдохнуть, напиться айрана (род кислого молока).

Наконец, добравшись до снеговых вершин (Терек-Давана), начинается спуск, и реки начинают течь в обратном направлении.

Вы под'езжаете к нашему пограничному посту, где кучка красноармейцев обязана проводить годы, вы же в течение одних суток чувствуете на своем дыхании всю тяжесть пребывания здесь. Сердцебиение учащается после прохождения нескольких саженей.

Здесь особенно тяжело красноармейцам зимой в раз'ездах, где всюду безлюдье, приходится ночевать во время сильных морозов на открытом воздухе. Однако, все трудности пребывания в таких условиях не отражаются на красноармейцах, вид у них здоровый, свежий.

Несмотря на изолированность, за дальностью расстояния, от местных центров, чувствуется, что они всегда в курсе политической жизни, у них бывают кружковые собрания, виден живой интерес ко всему, мысль бьется. На все это я указываю для сравнения с китайским постом по ту сторону границы.

Действительно, убожество там ужасное во всех отношениях. Насколько китайские солдаты не развиты и темны, настолько наши красноармейцы культурнее и развитее их. Среди солдат нет грамотных. Большинство их мусульмане, комсостав состоит из китайцев, который все же получает жалованье, хотя и ничтожное. Солдаты же никакого жалованья не получают. Живут на полуголодном пайке. Обмундированы они очень плохо и разношерстно, но большинство одеты в какие-то серые, под цвет их лиц, куртки, так что имеют вид арестантов. Возраст их различен, можно встретить 15-летнего мальчика и 45-летнего бородача. Обучения почти нет. Многие, особенно китайцы, курят опиум, играют в особые костяные карты. В общем от всего этого остается впечатление какого-то безразличия, мертвой жизни, что составляет резкий контраст с нашими красноармейцами-пограничниками.

Тотчас по переходе границы начинается среди голых красных и серых гор спуск в Кашгарскую долину. Мрачно и неприветливо здесь,—пустыня, растительности почти нет, лишь кой-где вездесущая колючка. Затем постепенно начинается кашгарский оазис, появляется зелень, кишлаки, где вы

после ряда дней верховой езды можете пересесть в экипаж, на котором добираетесь до самого Кашгара. Вы даже не замечаете, как въезжаете в город, ибо перед ним на десяток верст тянется непрерывный кишлак и сады.

Кашгар представляет собой типичный восточный городок, обнесённый в своей старой части высокими глинобитными стенами с рядом ворот, которые всегда запираются после известного часа, о чем возвещает выстрел из пушки. Утром, также по выстрелу пушки, ворота отпираются.

Пушечными выстрелами отмечается каждый выезд губернатора из своей резиденции. Приезд к нему высоких гостей (консулы) также отмечается выстрелами из пушек.

Узкие кривые грязные улочки тянутся среди серых глинобитных заборов. Если смотреть сверху, то видишь массу плоских серых крыш, только выделяются по своим размерам мечети. Базарные улочки закрыты сверху цычовками или досками для защиты от лучей палящего солнца.

Среди толпы пробираются ослики, навьюченные разными товарами, большей частью фруктами и овощами.

Прибываем в советское консульство, расположенное в стороне от города. Консульство занимает довольно большую, всю в садах, территорию, окружённую высоким забором. Когда-то здесь царское правительство держало большой отряд казаков, для которых имелись казармы. Была своя почта, телеграф, русский рубль имел равное с местной монетой хождение в стране. Была своя таможня и... тюрьма, ибо сами чинили суд и расправу. В общем чувствовали себя «как дома». Капитуляционный режим с консульской юрисдикцией узаконивали это положение.

В случае каких-либо недоразумений с местными властями имелись для «поддержания престижа» казаки.

Царское правительство выкачивало за бесценок из страны все, что было возможно.

В бытовом отношении процветало царство, кутежи, жили так, как ведут себя солдаты в только что завоёванной стране, где начальством все поз-

волено. Пили неделями, забывая счёт дням. Сознывая собственную беззанятность, покупали себе женщин-кашгарлычек. В старых делах консульства есть много данных о казаках, которые насиловали мусульманок, но китайцы были бессильны наказать русских солдат.

В общем, описание у Щедрина жизни господ ташкентцев будто бы взято из жизни русской колонии в Кашгаре.

Советская же колония живет, конечно, иначе, чем жила старая русская колония. Но жизнь идет монотонно, скучно. Совслужащие знают свою службу в городе, куда едут по утрам, и снова в Сарман (наименование местности, где находится консульство). Развлечения: теннис, городки и верховые прогулки, — этим все исчерпывается.

Советская колония живет так, как часто живут у нас в маленьких заолустных городках. Живут, как под стеклянным колпаком: жизнь каждого на виду, ни одно движение не укроется от досужего глаза, ибо вся жизнь протекает в стенах консульской территории. Поэтому все друг другу надоедают до чрезвычайности, отсюда мелкие дразни и прочее, тем более, что работы относительно мало, а досуга, особенно у женщин, много.

Есть клуб, но мало посещаемый. В самом городе нет ничего интересного для колонии, кроме покупок; гулять нельзя, так как за вами будут ходить толпы оборванных и грязных нищих и просто зевак, часто хватая вас из любопытства руками.

Газет в Синь-Цзяне не издается ¹⁾, общее представление у колонии о стране довольно смутное, да и интереса особого к изучению ее не замечается. Живя в Китае, не знают Китая. Единственный источник информации — это газетные сведения о Китае, поступающие из Союза. Но газеты приходят довольно нерегулярно и часто задерживаются китайцами. Все это в совокупности дает почву для отрыва и от жизни Союза.

¹⁾ Имеются сведения, что в самое последнее время приступлено к изданию китайской газеты в гор. Урумчи. — Ред.

Китайцы-колонизаторы

Китайцы в Восточном Туркестане в своем большинстве являются чиновниками и военными. Некоторое количество их находится в деревнях, куда они попали вначале в качестве переселенцев из Центрального Китая или отставных солдат, а затем нашли более выгодное и подходящее им дело ростовщиков, выжимающих соки из бедного местного населения.

Жизнь китайцев в Туркестане протекает как жизнь типичных колонизаторов. Китайцы приезжают сюда исключительно с целью обогащения. Заполучив ту или иную должность путем или покупки ее, или протекции, они рассматривают ее как свою сатрапию, или, как область, в которой они полностью властны и бесконтрольны.

Живут китайцы очень обособленно. Они не только стараются не соприкасаться с местным мусульманским населением, но даже и между собой они весьма чинятся, считаются с рангами и служебным положением друг друга, в зависимости от этого они и поддерживают связи между собой.

Китаец, переезжая в новую, чуждую для него страну, остается тем же китайцем, каким он был у себя, в Центральном Китае: он неразлучен со своими верованиями, привычками и сюда переносит все обстановку, которая его окружала на родине. Он одевается в столь характерную для него одежду, ничего не заимствуя от местного населения.

В имеющихся китайских лавках он находит все, что ему нужно. Все привозится из Центрального Китая, включая до продуктов питания в виде различного типа консервов. В этом отношении китайцы напоминают своих близких здесь соседей — англичан в Индии, которые также стараются создать уголок Англии всюду, где они живут.

Имеется всюду китайский театр, где идут пьесы исключительно из периода империалистического Китая и весьма примитивные по своему содержанию, в роде трагедии «Тай Пин-чин», в которой приводится эпизод из междоусобных войн в царствование одного из императоров Да-Сунской династии.

Пренебрежение китайцев к местным мусульманам таково, что они их рассматривают, как низшую расу. Своего отношения они не скрывают и говорят, что узбеки — это народ, который понимает только палку, что культура, якобы, чужда узбекам, что они способны лишь повиноваться, да и то не всегда. Разговоры среди кашгарлыков на политические темы не допускаются и влекут за собой наказание.

В общем можно сказать, что китайцы в Синь-Цзяне являются образцовыми колонизаторами, это показывает вся история здешнего края, особенно их политика по завоеванию его, по подавлению революционных вспышек среди кашгарского населения.

Политические течения среди китайцев весьма характерны для здешних мест и связаны с самой системой управления.

Система управления, созданная здесь с первых дней китайской республики, продолжала существовать и существует без всяких изменений, при чем в отношении признания центральной власти существует принцип: признавая официально всякое правительство, которое будет находиться в Пекине, на местах вести свою прежнюю линию. Так был последовательно признан Чжан Цзо-лин, а затем нанкинцы. Но местные чиновники всемерно стараются препятствовать какому-либо проникновению сюда каких-либо веяний, которые могли бы изменить status quo. Газет здесь никаких не издавалось, сведений из Китая почти не поступало, поэтому все современные события в Китае здесь не нашли своего отражения.

За последнее время среди китайцев, прибывавших из Центрального Китая на службу в Синь-Цзянскую провинцию, были и тайные члены Гоминдана, которые образовали не только в Урумчах, столице Синь-Цзяна, но и в ряде других крупных городов небольшие чанкайшистского типа ячейки. К ним кое-где примкнула местная китайская молодежь из бюрократов, отдельные фрондирующие чиновники, — в конце концов эти ячейки, за исключением урумчийской и еще некоторых, превратились в нечто в роде «оппозиции его величества». Им свойственна была из-

вестная доля свободомыслия, но тако-го, которое соответствует видам начальства и лишь выпячивает их благонамеренность. К диким син-цзянским порядкам эти либералы относились отрицательно, но вопрос о реформах, признаваемых ими необходимыми, они откладывали до окончания войны в Китае.

На коренное мусульманское население смотрели по-колонизаторски. Деятельность кружков сводилась к осторожной антисоветской пропаганде, проектированию мероприятий против деятельности наших хозяйственных организаций в Синь-Цзяне. Этим самым они заставляли губернаторов отдельных областей Синь-Цзяна прислушиваться к их голосу в области «охранительных мероприятий».

В кружках мечтали о воссоединении Синь-Цзянской провинции со Средним Китаем, но под углом сохранения прежнего положения в провинции.

Китайская администрация опасалась также проникновения со стороны СССР революционных веяний и принимала ряд мер, которые определяли отношения Союза с Синь-Цзяном как существование «худого мира, который лучше доброй ссоры».

Однако, истинная физиономия здешних китайцев выявилась после официального признания ими Нанкина. Этому предшествовали следующие события. Сохранение вечного нейтралитета для Синь-Цзяна и, в частности, для Кашгарии, становилось все труднее и труднее.

Год тому назад на жизнь генерал-губернатора Синь-Цзяна было совершено покушение. Были данные предпологать, что здесь участвовали гоминдановцы.

Когда Пекин был взят нанкинцами, генерал-губернатором была дана телеграмма с заявлением о признании Нанкина всем Синь-Цзяном.

Группа во главе с Фанем, комиссаром иностранных и внутренних дел, составлявшая ячейку гоминдана, решила воспользоваться этим случаем (признание Нанкина) и произвести переворот, имея целью перебить всю бюрократическую головку Синь-Цзяна и взять власть в свои руки, при чем была

уверенность на поддержку со стороны Нанкина, относившемуся к ген.-губернатору Яну отрицательно и считавшему его лицом, которое будет препятствовать к проникновению в Синь-Цзян проектов и идей Нанкина.

Группа Фаня начала с убийства ген.-губернатора, убитого во время званого обеда, вместе с ним убили командующего войсками и ряд крупных китайских чиновников.

Провел все это лично сам Фань, используя свое положение. Помощь ему оказала группа учеников военного училища и незначительная часть солдат.

Объединившиеся консервативные силы было решили группу Фаня ликвидировать—расстрелять, что и было срочно произведено одновременно с назначением другого ген.-губернатора из консерваторов.

Причиной неудачи этого переворота была надежда Фаня, что только путем убийства Яна и его приближенных он сможет взять власть. Фань недостаточно учел общую ситуацию в Синь-Цзяне, не озаботился поддержкой со стороны провинциальных администраторов, а главное, не привлек на свою сторону местные военные силы.

Я не говорю о том, что Фань не был поддержан ни одной из тайных гоминдановских ячеек на местах.

Спустя некоторое время началась по всему Синь-Цзяну борьба не только со всякими гоминдановскими течениями, но и вообще со всеми оппозиционно настроенными и инакомыслящими, при чем позиция остальных квази-гоминдановских ячеек резко переменялась в сторону содействия правительству по изъятию инакомыслящих, дабы избежать репрессий по отношению к ним.

Местное население

Основное население Кашгарии составляют кашгарские узбеки, которых у нас в Средней Азии называют кашгарлыками. Что касается киргизов, живущих в горах, преимущественно скотоводов, и других народов, то их влияние на экономическую жизнь страны весьма незначительно, можно сказать, что узбеки здесь играют доминирующую роль.

Кашгарские узбеки, имея много общих черт с советскими узбеками, однако, имеют и различия, объясняющиеся большим влиянием на них проходивших через этот край разных народов. Жизнь в оазисах и слабые связи между ними создали резко отличающиеся друг от друга типы узбеков, иногда даже не понимающих языка друг друга.

Местами можно найти резко выраженный монгольский тип или тип арийский, с чисто таджикскими чертами.

Язык кашгарских узбеков представляет собой совокупность не только чисто узбекских слов, но и слов китайских, индийских, монгольских и древнеперсидских.

Местные узбеки отличаются также и в одежде, при чем китайцы их называют «чанту» — чалмоносцы, ибо все кашгарлыки носят на голове чалмы.

Положение женщины — кашгарлычки здесь значительно хуже и тяжелее, даже по сравнению с дореволюционным положением женщин-узбечек в Средней Азии. Прежде всего женщина здесь есть предмет купли-продажи.

Раннее начало половой жизни — с 10—12 лет, — особенно у бедняков, которые поскорее стараются продать свою дочь, вызывает преждевременную старость.

Распущенность нравов влечет за собой частую смену жен кашгарлыками; редко можно найти женщину, которая к 40 годам не была бы 5—6 раз замужем. Детей — мальчиков, — как правило, берет при разводе себе муж, девочек иногда отдают матерям.

Женщина, живя абсолютно изолированно, все внимание устремляет на то, чтобы удержать мужа и не допустить, чтобы он брал других жен, или, если их несколько (число жен у богатых обычно 3—4), сохранить первенство.

В отличие от пользующейся большей свободой киргизской женщины, которая несет все тяготы жизни, даже больше, чем муж, жизнь узбечки протекает, за исключением крестьянки, почти в полном бездельи. Вся работа и добывание средств к существованию лежит на мужчинах.

Главные занятия кашгарлыков — земледелие, кустарные промыслы и торговля. Они прекрасные земледельцы и, когда часть кашгарлыков уходит на

отхожий промысел в Среднюю Азию, их у нас в кишлаках охотно берут на работу, особенно для обработки хлопковых и рисовых полей и по уходу за шелковичным червем.

Среди кашгарлыков много кустарей, особенно по производству местной хлопчато-бумажной ткани — маты, которая находит большой сбыт в стране.

Как на характерное явление, нужно указать, что здесь все без исключения связано с землей.

Занимаются земледелием не только крестьяне и кустари, но и купечество, обладающее большими земельными угодьями. Многие из купцов сами не ведут обработки земли, а сдают ее в аренду, либо исполу, либо из трети, в последнем случае они снабжают крестьян необходимым сельскохозяйственным инвентарем и зерном для посева, а также и налог китайцам платят не арендаторы, а владельцы земель.

В Кашгарии нет помещиков и феодалов, ибо китайская политика в этом отношении привела к ликвидации самостоятельности узбекских и монгольских князей.

С одной стороны, натуральное хозяйство большинства оазисов, а с другой стороны, постоянные поборы с населения, чинимые китайцами, сузили потребности у населения, не только у бедных, но и у богатых, и создали положение, при котором удовлетворить потребность в необходимом не так трудно, поэтому особой нищеты нет.

Зато имеются целые нищенские орденна на манер турецких, которые имеют каждый свои районы для сборов подаяния.

Стол бедняков состоит в день из нескольких лепешек из кукурузной муки и какой-нибудь похлебки. Богатый питается приблизительно так же, разве только кукурузные лепешки заменит пшеничными. Сытное угощение допускается только тогда, когда приходят гости.

Странно видеть, что люди, обладающие большими денежными средствами, живут хуже, чем наш середняк-крестьянин. Это частично объясняется со стороны кашгарлыков боязнью китайцев, внимательно следящих за «обращением» населения и учитывающих

это при взятках и всяких поборах. Отсюда вытекает стремление прибедняться.

Увеличение народонаселения пока не отражается на положении крестьянства, особенно не ухудшает его, а лишь вызывает увеличение посевной площади, возможное еще для ряда лет. Особенно заметно увеличение посевов вокруг городов, которые за последние 10 лет после прекращения связи с Советским Союзом весьма выросли. Объясняется это тем, что ранее ряд фабрикатов — ситец, вообще мануфактура, керосин, сахар и прочее — шел из России. После 1918 года, в связи с прекращением поступления извне, местное население, будучи предоставлено само себе, вызвало к развитию ряд производств кустарного типа — увеличение и улучшение выработки мяты, производство свечей, спичек и, вместо сахара, особого вида меда из риса.

От прекращения сношений с Россией особенно пострадало городское купечество среднего и мелкого типа, которое было в своей большей части проглочено небольшой кучкой крупных купцов, имевших возможность вынести кризис от прекращения торговли.

Возобновление сношений с Советским Союзом весьма усилило торговлю, и во многих городах появились целые ряды лавок, торгующих исключительно советскими товарами.

Наблюдая развитие нашей торговли в Кашгаре, невольно вспоминаются слова покойного Павловича¹⁾ о том, что наша политика в Западном Китае должна способствовать развитию национальных сил, всеми силами способствовать этим государствам превратиться в самостоятельные организации, которые будут в союзе с нами.

Позиция же китайцев в отношении торговли с нами определяется их заинтересованностью, как спрута, высасывающего зоки из населения, всегда чувствующего китайский гнет.

Вспышек борьбы против этого гнета было мало. К восстанию, поднятому китайской организацией Ге-Лао-Хой, примкнула часть, правда ничтожная, узбеков. Это восстание было относи-

тельно недавно, в 1912 г., когда организация Ге-Лао-Хой завладела страной, свергнув и казнив местную администрацию. В эту организацию входила китайская и мусульманская беднота. Состав Ге-Лао-Хой — чернорабочие, солдаты, слуги и безработные. Принципы ее были до некоторой степени социалистическими. Ге-Лао-Хой имела своей целью революционное преобразование общественных отношений на основе всеобщего имущественного равенства. Однако, китайское правительство ловким маневром откололо и дискредитировало левое крыло этой организации, с правым же вошло в соглашение, чтобы затем разделаться и с ним, залив страну кровью.

В Кашгарии не существует каких-либо националистических организаций, есть лишь отдельные лица, которые мечтают о создании своего узбекского государства, но мечты эти весьма смутны, и никаких попыток к претворению их в жизнь не делается.

Казалось бы естественным, что на почве колонизаторской политики китайцев создалось бы какое-либо национально-освободительное движение, однако, жестокая политика китайцев, особенно в этом отношении, парализует самые невинные начинания даже просветительного характера.

Китайцы особенно боятся Советского Союза. Ранее они разрешали проезд в Союз купцам, потом запретили не только это, но и караванщикам не разрешают переходить на советскую территорию.

В связи с этой панической боязнью «вредных» влияний Советского Союза они запретили проезд паломникам через нашу территорию. Каждый проезжающий из Союза подвергается тщательному допросу и слежке на предмет выяснения, не является ли он носителем «революционной заразы».

Синьцзянское чиновничество чувствует, что достаточно малейшего толчка, чтобы их благополучие разлетелось в прах.

Айша и басмач Сулейман

Вдоль советско-китайской границы до сих пор еще есть кое-где басмаческие шайки, в составе которых бывают

¹⁾ Павлович, Собран. сочинения, т. IX, стр. 77.

и китайские подданные. Благодаря попустительству китайских властей, эти шайки успевают при первом известии о движении против них красноармейцев перебежать на китайскую сторону, где они чувствуют себя в полной безопасности. О том, что они творят в советских аулах, много писалось. Здесь имеется налицо не только грабеж, но часто убийство, кражи женщин и прочее. В некоторых местах население бывает терроризировано до того, что боится их выдать советским властям и дает возможность басмачам свободно взимать дань с аулов.

В данном очерке я хочу рассказать об одном случае с кражей женщины возле Андижана.

Один басмач Сулейман скрывался в ауле, где выдавал себя за знахаря. Он снискал некоторую популярность среди темной кишлачной массы, и к нему приезжали даже из некоторых близлежащих районов.

Одна молодая и красивая узбечка из предместья Андижана, бездетная, хотела иметь ребенка. Она приехала к Сулейману, дабы через его молитвы получить возможность снова «стать угодной мужу», дав ему ребенка.

Когда она пришла к Сулейману, он ее напоил опиумом, усыпил и в таком состоянии увез через степи и горы на китайскую территорию, где он надеялся ее выгодно продать.

По дороге он ее прятал и всем говорил, что эта женщина больна и ненормальна. Он отнял у нее имевшиеся деньги и, угрожая зарезать, заставил дать на коране клятву, что она никому не будет говорить об ее насильственном увозе.

Прибыли в небольшой китайский городок. Там Сулейман запер ее в комнату и приставил сторожа — женщину. Все вещи Айши — так звали узбечку — он заложил в китайском ломбарде, но дал обещание, что ее выпустит, если она даст расписку на 100 сар, полученных якобы ею от него. Она дала ему расписку, не понимая, что он имел целью таким образом связать ее этой распиской, а затем продать ее китайцам.

Однако, она, сидя взаперти, смогла попросить проходивших мимо местных

жителей рассказать о ее положении бывшим русско-подданным — андижанцам.

Сулейман узнал об этом и избил ее. Вообще он неоднократно избивал Айшу.

После этого случая, опасаясь мести андижанцев, Сулейман увез ее в город Яркенд, где он решил продать ее китайцам и стал вести переговоры об этом. Айша узнала о его намерениях и рано утром бежала в дом одного купца-андижанца, где рассказала его жене обо всем случившемся.

Купец этот собрал из своего квартала других купцов-андижанцев и рассказал им о положении Айши.

Сулейман, услышав об этом, явился к купцу, приютившему ее, и, на глазах остальных собравшихся, угрожал ее убить, если она не вернется к нему.

Собравшиеся почтенные лица города и аксакалы квартала передали тогда это дело китайскому уездному начальнику. Начальник прислал бека, и узбечка рассказала ему всю историю об ее увозе из Андижана. Бек ее отвел вместе с Сулейманом к кази (судье), которому Сулейман заявил, что она является его законной женой. Подтвердить это свидетельскими показаниями он не смог и отказался дать клятву на коране в верности этого утверждения.

В процессе разбирательства дела у кази Сулейман пытался ее избить, но она убежала на квартиру кази.

Тогда Сулейман явился к дому купца, возбудившего все это дело и приютившего Айшу у себя, и нанес себе в знак протеста удар ножом в горло. Обливаясь кровью, он лег тут же у ворот. К месту происшествия явился полицейский и, собрав с жителей квартала 8 (восемь) сар, передал их, как компенсацию, Сулейману. Получив деньги, он тут же встал, словно и не был ранен.

После этого их обоих посадили в яркендскую тюрьму. Ее — на основании заявления Сулеймана, что она ему должна 100 сар.

Совершенно случайно советский консул, будучи проездом в Яркенде, узнал о деле Айши и настоял перед китайскими властями на освобождении советской гражданки и на отправлении Айши в Кашгар. Она прибыла в Каш-

гар, куда препроводили и Сулеймана для разбирательства дела.

Айша, хотя и не находилась более в тюрьме, а поселилась в одной мусульманской семье, но вследствие постоянного надзора оказалась на положении находящейся под домашним арестом.

Китайские власти, встав на сторону китайского подданного Сулеймана, были возмущены тем, что вся эта история открылась, и стали во что бы то ни стало добиваться у Айши сознания, что она законная жена Сулеймана: таким образом, отпал бы вопрос о ее советском гражданстве.

История с узбечкой стала широко известной, родственники Айши в Андижане явились к китайскому консулу и умоляли его спасти ее.

Китайцы же стали обвинять ее в том, что она, как заявлял Сулейман, украла у него большую сумму денег. Сулейман нашел много свидетелей также в пользу того, что эта женщина покушалась его убить.

В общем следствие в китайском суде работало обычным порядком: вызывались свидетели, производились допросы Айши, являвшиеся настоящим издевательством и пыткой. Ее заставляли выстаивать на ногах по 12 часов, не позволяли садиться и есть. Смеялись над ее советским гражданством и доводили до того, что она падала в обморок.

Кроме всего прочего, она боялась попасть в положение *res nullius*. Это особое положение мусульманской женщины, когда она, после развода с мужем, не имея родственников или, если они от нее отшатнутся, — является собственностью любого, кто захочет ее взять. Поэтому она очень боялась, что если советское консульство не сможет ее защитить, она тотчас после развода попадет в руки китайцев.

Затем она не чувствовала, что советское консульство сможет ей помочь и ее освободить.

Для того, чтобы понять ее положение, нужно знать, что такое представляет собой китайский суд в Восточном Туркестане. Это в полном смысле слова Шемякин суд. Здесь нет отделения между процессом предварительного следствия и судом — все сливается в одно целое. Самый процесс носит

розыскной характер и стремится добиться сознания обвиняемого какими бы то ни было путями. Без этого сознания не может быть постановлен обвинительный приговор, хотя бы другими доказательствами вина его и была бы вполне ясно доказана. Свидетельские показания и другие улики в уголовном процессе хотя и играют роль, но решающего значения в деле не имеют, т. е. совершенно наоборот, чем у нас. Но так как сознания добиться часто бывает невозможно, то прибегают к пыткам, и по части изобретательности в этом отношении китайцы не уступят нашим прежним царским застенкам и средневековым пыткам инквизиции. При этом пытаются не только подозреваемого или обвиняемого в преступлении, но нередко и свидетелей, чтобы добиться от них правдивого показания, так как, по китайскому понятию, существующему в Кашгарии, если не бить их, то они не скажут правды. Нет ничего удивительного, что население бежит от суда, как от чумы.

Я не говорю о взяточничестве, которое здесь является основой направления следствия, но меры наказания, применяемые в Кашгарии, ужасны. Можно видеть людей в клетках, людей с известными всему миру колодками на шее. Пытки играют большую роль в следствии.

Через многое пришлось пройти этой бедной женщине, но она стойко выдерживала все издеательства над нею.

Однако, китайский суд постановил, что она «добровольно вышла замуж за Сулеймана и что она его законная жена». Таким образом, Сулейман под полицейским нажимом овладел снова этой женщиной¹⁾.

Многие китайцы покупают женщин-мусульманок, преимущественно подростков, и делают их наложницами, при чем мусульманское духовенство бесцельно что-либо предпринять против этого и смотрит сквозь пальцы на эту продажу, хотя и знает, что это фиксируется в соответствующих документах.

¹⁾ В дальнейшем дело было пересмотрено, и Айша получила разрешение вернуться в Андижан. — Ред.